

© 1998 г.

К ПРОЧТЕНИЮ ЗМЕИНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ СПИРАЛЕВИДНОГО ОРНАМЕНТА ДРЕВНИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЕВРОПЫ*

Древние земледельцы Европы не оставили для нас вербальных текстов. Но их богатая изобразительная традиция легла в основу более поздней европейской культуры. Она ощущается в орнаментальных композициях микенского периода и даже греческой архаики. Не удивительно, что в конце прошлого века первые комплексы находок, обнаруженные на поселениях этого круга, были сопоставлены именно с микенскими древностями и отнесены к тому же времени. Их ярчайшие материалы просто не соответствовали представлениям об эпохе неолита и раннего металла. Позднее взгляды на хронологию, географию и культурогенез подобных памятников претерпели значительные изменения. Они все более удалялись во времени от мира микенской Греции, а их собственный ареал расширился. Благодаря исследованиям нескольких поколений археологов в Южной, Центральной и Юго-Восточной Европе выделено множество сменявших друг друга и сосуществовавших земледельческих культур, общее время бытования которых теперь относят не ко II, а к VI–IV тысячелетиям до н.э., а в археологической периодизации – к неолиту и энеолиту¹. Все эти культуры роднит близкий материальный и хозяйственный комплекс. Множество перекрестно зафиксированных импортов (минерального сырья для изготовления орудий и украшений, самих орудий и украшений, сосудов, фигурок) свидетельствует об их глубоких и постоянных связях. А благодаря частому совпадению орнаментальных композиций на посуде таких культур и сериям инвариантных сакрализованных артефактов, прежде всего пластики и всевозможных сосудов особых форм, уже давно возникло предположение о сходстве и даже общности мировоззренческих представлений в пределах всего раннеземледельческого ареала². Сейчас, когда исследованы тысячи памятников и опубликован огромный корпус источников, моделирование подобного мировоззренческого континуума кажется все более правомерным. Кроме того, оно позволяет рассматривать наблюдаемые явления в рамках гипотезы о едином культурном тексте. Особенно выра-

* Публикация статьи осуществлена при поддержке Международного научного фонда в рамках проекта «Древние земледельцы Юго-Восточной Европы в контексте европейского культурогенеза» (код проекта ZZ 5000/349).

¹ Эти культуры, осваивавшие преимущественно южную часть зоны европейских широколиственных лесов, нередко занимали огромные пространства. Большинство из них фиксируется в пределах нескольких современных государств. Некоторые даже имеют параллельные названия: Старчево–Криш–Кереш, Винча, культура линейно-ленточной керамики (далее – КЛЛК), Боян, неолитические памятники Болгарии и Северной Греции, синхронные Каранову I–V, Коджадермен–Гумельница–Караново VI, Кукутень–Триполье, Тисса, Ленгил–Лендзел. Выделяются и более компактные образования – Дудешть, Сакалхат, Петрешть.

² Вместе с тем необходимо учитывать, что этот тезис никогда специально не обосновывался, а существует скорее на уровне восприятия, как некая очевидность, используемая при интерпретации разных групп источников и особенно часто при мировоззренческих реконструкциях. Его обоснование могло бы стать объектом специального исследования и будет возможным вследствие систематического изучения многих групп источников.

зительны в этом отношении встречающиеся на посуде, пластике, алтарях, «моделях» и даже в интерьере построек спиралевидные орнаменты. Их анализ и является целью настоящей работы. Поскольку именно спиралевидные орнаменты ранних земледельцев в свое время столь поразили исследователей своим сходством с микенскими, их рассмотрение может оказаться интересным для специалистов, занимающихся невербальными текстами древнейших периодов истории Греции.

Образующие древнеземледельческий спиралевидный декор закрученные спирали, S-видные знаки, так называемые бегущие и распадающиеся спирали уже давно имеют «ключ» к прочтению. Все их варианты принято понимать как стилизацию свернутых или изогнутых змей, поскольку в орнаментах разных культур Центральной и Юго-Восточной Европы известны и совершенно очевидные змеиные фигуры в этих же позах, и множество примеров стилизации змеевидных фигур в спирали и S-видные знаки. Кроме того, все их допустимо расценивать как образные (иконические) знаки.

Интерпретации спиралевидных орнаментов посвящен ряд специальных исследований, большинство которых опирается на материалы культуры Кукутень – Триполье. И это не случайно. Ее ярчайшая изобразительная традиция фиксируется многими тысячами орнаментальных композиций, а в декоре очень легко уловимы тенденции стилизации знаков. Одним из первых в начале нашего столетия к данной проблеме обратился К.В. Болсуновский. Именно он выявил в орнаментах Триполья взаимозаменяемость спиралевидных элементов и отчетливых змеиных фигур, что и позволило в дальнейшем рассматривать спирали и S-видные знаки на всевозможных артефактах как стилизованные изображения змей. Разногласия возникали только по поводу их конкретной символики. К.В. Болсуновский считал, что наиболее вероятными объектами почитания у носителей трипольской культуры могли быть ужи и в декор большинства сосудов включены их изображения. С этой гипотезой согласился Б.А. Рыбаков³.

Согласно версии В.Н. Даниленко, поддержанной В.Г. Збеновичем, образ, с которым допустимо сближать змеевидные трипольские изображения, – отнюдь не мирный уж, а дракон⁴. Позднее В.Г. Збенович подробно изложил свои взгляды в специальной работе, где приведены широкие сопоставления змеиных композиций Кукутени–Триполья с материалами других культур и высказано предположение о вероятном единстве представлений об этом разрушительном мужском образе для всего раннеземледельческого ареала Европы начиная с позднего неолита. По В.Г. Збеновичу, сложение представлений о драконе относится к этапу формирования трипольской культуры; в развитом Триполье они продолжали существовать как культовая традиция, постоянно изменяясь и деформируясь; позднее спиральный орнамент, утратив сакральность, выполнял сугубо декоративную функцию⁵.

Некоторые авторы связывают разнообразные змеевидные знаки с женским, а не мужским персонажем. Так М. Гимбутас, допуская вслед за В. Милойчичем возможность смыслового тождества спиралевидных узоров с меандрами, все их увязывает с женским космогоническим образом⁶. И.В. Мельничук на основе анализа орна-

³ Болсуновский К.В. Символ Змия в Трипольской культуре. Мифологический этюд. Киев, 1905; Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. 1965. № 1. С. 35–36.

⁴ Даниленко В.Н. Неолит Украины. Киев, 1969. С. 222 сл.; Збенович В.Г. Поселение Бернашевка на Днестре. Киев, 1980. С. 153 сл.

⁵ Збенович В.Г. Дракон в изобразительной традиции культуры Кукутени–Триполье // Духовная культура древних обществ на территории Украины. Киев, 1991. С. 20–24.

⁶ Milošić V. Zur Frage der Herkunft des Mäanders und der Spirale bei der Bandkeramik Mitteleuropas // Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums, Mainz, 1964. № 11. P. 57–74; Gimbutas M. The Gods and Goddesses of Old Europe. L. P. 137, 142–146. При всей справедливости смыслового сближения меандров с определенными разновидностями спиралей необходимо отметить, что в композициях они не всегда равнозначны, ибо на сосудах разных культур, присутствуя в декоре одновременно, меандр и спираль устойчиво занимают разные зоны. Кроме того, правомерно допущение, что некоторые спиралевидные элементы декора могут и не иметь отношения к «змеиным сюжетам».

ментальных композиций на трипольской посуде моделирует сложную версию семантических изменений образов, воплощенных в разновременном змеином декоре. По ее мнению, на раннем этапе культуры змея выступала как атрибут богини плодородия и являлась хранительницей накопленных богатств; на среднем этапе роль змеи в верованиях возросла, а функции разделились (выделяются змеи небесные, дающие влагу, и змеи, охраняющие накопленные сокровища); позднее «культ богини-матери утратил свое значение, в связи с чем змея передает часть функций собаке»⁷.

Приходится признать, что встреченные в литературе высказывания о трипольских спиралевидных знаках, трактуемых как образы тех или иных змееобразных существ, обычно не исходят из их последовательного морфологического анализа. Присутствует примененное еще Болсуновским «распознавание» наиболее выразительных изображений, увязывание их с близкими знаками более ранних культур и соотнесение с разными мифологическими традициями (так возникли «ужи», «драконы», «змеи и богини», «змеи небесные» и «змеи, охраняющие богатства»). Если орнаментальных «змей» объединяют с так называемыми «сюжетными» элементами декора, образуются формально непротиворечивые построения вроде «передачи змеей своих функций собаке». В подобных версиях, а они наиболее часты, не учитывается одна из существенных закономерностей организации архаических декоров. Включенные в них разнообразные знаки могут и не составлять единого «линейного» повествования. Обращает на себя внимание не только полярность трактовок рассматриваемых орнаментов, может быть, отчасти объяснимая сложностью семантики самих знаков, их заданной «неоднозначностью», но и тенденция к изолированному восприятию явления в целом. А ведь Кукутень–Триполье была частью обширного раннеземледельческого мира Европы. В связи с этим хотелось бы привести одно высказывание Ю.М. Лотмана, кажущееся аксиоматичным. В структуре культуры (наш мировоззренческий континуум. – В.Б.) существует лишь один истинный текст, по отношению к которому все остальные имеют роль комментария⁸. Поскольку изображения змей и, в частности, змеиные орнаменты известны во всех неолитических и энеолитических культурах Центральной и Юго-Восточной Европы, можно без особой натяжки допускать их смысловую близость, а следовательно, и семантическую инвариантность образующих их знаков. Поэтому при размышлении о смысловой нагрузке орнаментики каждой из культур данного круга необходимо смещение фокуса изнутри вовне, в общую изобразительную традицию. А это вынуждает строить все частные модели как универсальные. Предположения же о хронологических изменениях семантики любого образа в рамках частного по отношению к целому могут оказаться не столь убедительными и потребуют значительно более веских обоснований.

Много внутренней информации, помогающей пониманию спиралевидных знаков, содержит именно их морфология – общая форма, в ряде случаев сводимая к естественной позе рептилий, и моделировка голов со всеми вариантами стилизации. Не менее существенны способы сочетания знаков (группировка) и их организация в композиции, зачастую образующие новые знаки. Все это удобно описывать в терминологии симметрии, поскольку в большинстве случаев так или иначе стилизованные знаки включены в орнаменты, построенные посредством классической и цветовой симметрии. Опыты такого рода на археологическом материале уже были.

При рассмотрении змеиного декора неолитических и энеолитических культур юго-востока Европы правомочно допущение, что все встреченные змеиные фигуры одинаковой формы соответствуют одному и тому же знаку. Тогда наиболее отчетливо моделированные змеиобразные существа – это полная форма знаков (в нашем случае они натуралистичны), строению которых, упрощаясь или любым образом стилизуясь, следуют все остальные. Знаки, представляющие фигуры змей с четко моделированными головами, можно свести к нескольким вариантам.

⁷ Мельничук И.В. Изображение змеи в Триполье // Археологические исследования молодых ученых Молдавии. Кишинев, 1990. С. 39–46.

⁸ Лотман Ю.М. Предисловие // Семиотика и искусствознание. М., 1972.

Рис. 1. Форма змеевидных знаков на сосудах разных культур (1-12). Радиальное построение композиций при взгляде сверху на закрытых (11-13) и открытых (9-10) формах сосудов. Моделировка змеиных голов:

1-7, 9, 14-17 - первая схема; 8 - вторая схема; 11-13 - третья схема:

1 - Ла Теи (Гумельница); 2 - Сербско (КЛЛК); 3 - Олтеница-Рение (Чернавода I); 4 - Старая Буда (Кукутень В2); 5 - Фридришцы (Кукутень АВ); 6, 7 - Бильче Злото (Триполье С1С2); 8 - Девебарган (Марица); 9 - Чернавода I (Гумельница); 10 - Пианул де Жос (Петрешть); 11 - Тимково (Прекукутень III); 12 - Александровка (Прекукутень III); 13 - Траян-Дялул Фынтынилор (КЛЛК); 14 - Петрены (Кукутень В2); 15 - Кудринцы (Кукутень В1); 16 - Дикилиташ (Коджадермен-Караново VI-Гумельница); 17 - Березовское (Кукутень А2).

1 - по А. Ницу; 2 - по С. Венцелю; 3 - по С. Моринтс, Р. Роману; 4, 5, 14, 15 - по Т.С. Пассек; 6, 7 - по Л. Козловскому; 8, 9 - по Х. Тодоровой; 10, 13 - по В. Думитреску; 11, 12 - по Н.Б. Бурдо, М.Ю. Видейко; 16 - по Д. Теохарису

Первый из них составляют змеи, свернутые в спираль. Сюда же попадают и змеи-знаки, построенные как дериваты спирали, причем правомерность их отнесения к этому варианту должна оцениваться при анализе композиции, т.е. контекстно. Степень свернутости отчетливых змей-спиралей варьирует от полутора до пяти оборотов и различаются три их разновидности: (а) змея с одной головой, помещенной в центре спирали (рис. 1, 9, 12; 2, 8)⁹; (б) спиралевидные знаки с двумя змеиными головами в центре, развернутыми антипоидально (рис. 1, 15) и такие, когда голова второй змеи там же угадывается в контрцвете или негативе; (в) двухголовые слабо закрученные змеи, одна голова у которых помещена в центре, а вторая – снаружи (рис. 1, 2).

Второй вариант представляют: (а) S-видно-изогнутые змеи-знаки и их дериваты (рис. 1, 8); (б) фигуры, образующие S-видную «бегущую спираль» в контрцвете. Обычно в композиции это пары антипоидально развернутых змей (как бы во встречном движении) (рис. 1, 1, 4, 11, 14, 16). S-видные и антипоидально развернутые змеи могут иметь одну или две головы, расположенные с противоположных сторон. Нередко многократно закрученные концы S-видных фигур близки спиральям (рис. 1, 5, 10).

В третий вариант знака можно объединить фигуры извивающихся (ползущих) змей с одной головой или двумя головами, расположенными с противоположных сторон (рис. 1, 3, 6, 7).

Все три варианта знака фиксируются на разновременных и территориально удаленных друг от друга разнокультурных памятниках, могут быть выполнены в любой технике (налеп, углубленная орнаментация, роспись). Достаточно отчетлива их взаимосвязь.

1. Дериваты первых двух вариантов образуют промежуточные формы.

2. Их же роднит используемая в построении и группировке поворотная симметрия второго порядка (180°), посредством которой развернуты относительно друг друга змеиные головы и в закрученных спиральях, и на концах S-видных знаков в бегущих спиральях. По этому же принципу построена и сама S-видная фигура.

3. Во всех трех вариантах знак может представлять одну змею с головой и хвостом, двух таких змей и совершенно особую змею с двумя головами с противоположных сторон, устроенную как амфисбена античной традиции (перешедшая и в средневековые бестиарии).

Вскользь отмечу, что у ранних земледельцев Европы амфисбены известны в фигуративной пластике и в виде особых сосудов, бывают антропоморфны, зооморфны, миксаморфны. Прочтение их затруднительно, но во всяком случае возможно двойное: как особого существа столь странного строения (именно так трактуются амфисбены в бестиариях) и как способ парного изображения. Если придерживаться второй версии, получается, что в любом из наших вариантов знак соответствует либо одному змеевидному существу, либо двум. Последнее достигается благодаря поворотной симметрии или морфологически – изображением амфисбены (свернутой, изогнутой, ползущей).

Между единичными и парными змеиными знаками возможно существенное различие, но не исключено, что они должны соотноситься как полный и редуцированный знаки, разница между которыми стирается композиционно. Пока трудно судить о смысловых особенностях каждого из трех вариантов знака, но второй – самый из них искусственный, так как не соответствует наблюдаемым позам рептилий, образует наиболее значимые комбинации. Его вполне можно назвать знаком-символом.

Для понимания спиралевидных змеиных знаков очень важен последовательный морфологический анализ голов всех доступных изображений. Судя по публикациям, знаки с отчетливо моделированными головами сравнительно редки. Все три их

⁹ Нелишне отметить, что согласно Брэму, у гадюки эта поза агрессивна и предшествует нападению: Брэм А.Э. Жизнь животных. Т. 1. М.–Л., 1932. С. 585.

варианта (спиралеобразные, S-видные и «ползущие») могут иметь различающиеся по форме головы с явным переходом к шее.

Наиболее часты головы каплевидной формы (первая схема). Они возможны у всех трех вариантов знаков, бывают без дополнительной детализации (Старчево–Криш, КЛЛК, Кукутень–Триполье), могут подчеркиваться поперечными полосами, заштриховываться (Винча, Кукутень, АВ, В1) (рис. 1, 1–7, 15). В одном случае заштрихованная каплевидная голова имеет высунутый раздвоенный язык¹⁰.

Среди материалов разных культур известны изображения змеиных каплевидных или утолщенных голов без четкого перехода к шее (рис. 1, 9). Иногда шея отмечается поперечными полосами, а лицевая часть – точкой. Поперечные полосы и точки бывают и на концах S-видных знаков без утолщений (рис. 1, 14, 16). В контуре «неутолщенной головы» S-видной фигуры возможно изображение не одной, а трех точек¹¹. Видимо, все эти способы передачи змеиных голов можно отнести к той же морфологической схеме, а их вариабельность отражает характер орнаментальной стилизации. Таким образом, в действительности змеиных знаков, примыкающих к первой схеме, с так или иначе отмеченными «головами» оказывается значительно больше, чем казалось.

Как еще одну (вторую) морфологическую схему можно рассматривать довольно редкие головы заостренной треугольной формы. Пока они встречены только у S-видных змей (Коджадермен–Караново VI–Гумельница). Подробное изображение имеет пару круглых глаз (рис. 1, 8). У более стилизованных голова отмечена точкой¹².

На артефактах ряда культур (Винча, Прекукутень–Кукутень А2, Коджадермен–Караново VI–Гумельница) головы змеиных знаков имеют странную форму, напоминающую подкову с заостренными концами. Такие головы отнесены к третьей морфологической схеме, а в орнаментах соответствуют двум первым вариантам знаков (рис. 2). Головы столь удивительной формы особенно часто изображались у змей на сосудах и крышках ранних периодов культуры Кукутень–Триполье (Прекукутень II – Кукутень А2). Поэтому их мы и рассмотрим в первую очередь. Все они строго симметричны и различаются деталями в пределах подковообразного контура. Есть головы с тремя симметрично расположенными кругами – один в передней части головы (у вершины подковы), а два – по сторонам. Последние обычно воспринимаются как глаза. Контур головы вне кругов заполнен рядами поперечной и продольной штриховки (рис. 2, 8). Известны головы с двумя кругами или овалами–«глазами» и заштрихованным контуром. Иногда центры «глаз» отмечались точкой или инкрустацией (рис. 2, 6, 7, 10; 3, 1). Некоторые головы лаконичнее. У них изображены огромные круги–«глаза», проведена продольная осевая линия, переход к шее отмечен парой поперечных полос (рис. 2, 5). Есть головы перегородчатого строения с теми же огромными овалами–«глазами», помимо которых по бокам и на центральной оси присутствует еще серия симметричных «прорезей» (рис. 2, 3, 4, 9). Известны, наконец, антиподально развернутые змеи со столь длинными выступами, что они у двух противоположащих голов слиты, а контуры голов заполнены рядами штриховки (рис. 2, 11).

Столь странным изображениям голов не удается найти соответствия среди реальных змей, даже не ограничиваясь эндемиками европейской фауны. Своеобразие их контура и строения позволило допустить, что – это фантастические существа – драконы с огромными глазами, а заостренные концы «подков» трактуются исследователями как рога грозного и устрашающего персонажа¹³.

¹⁰ Hockmann O. Die menschengestaltige Figuralplastik der südosteuropäischen Jungsteinzeit und Steinkupferzeit. T. 2. Münster, 1968. Taf. 25, № 524.

¹¹ Цвек О. В. Релігійні уявлення населення Трипілля // Археологія. 1993. № 3. Рис. 4, 3, 4.

¹² Ivanov I.S., Nikolov V. Katalog // Das erste Gold der Menschheit. Freiburg, 1986. P. 68. № 65.

¹³ Даниленко. Неолит Украины. С. 222 сл.; Збеневич. Поселение Бернашевка... С. 153 сл.; он же. Дракон... С. 20–34.

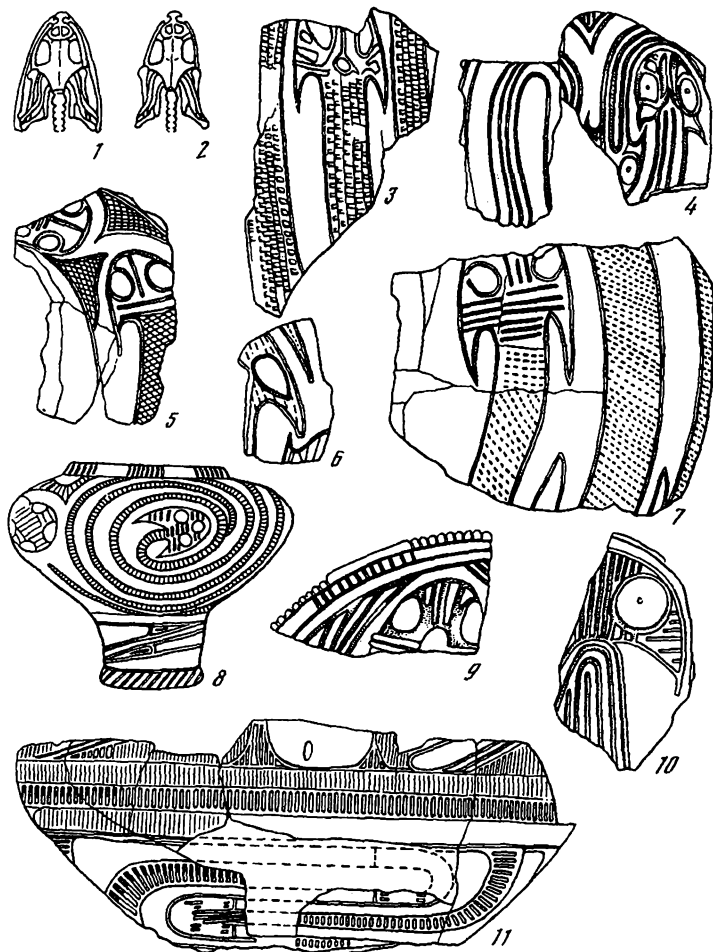

Рис. 2. Третья морфологическая схема изображения змеиных голов (полная) в сравнении со строением черепа змеи:

- 1 – череп гадюки; 2 – череп гадюки без нижней челюсти; 3, 10 – Бернашевка (Прекукутень II); 4, 9 – Флорешты (Прекукутень II); 5 – Окопы (Прекукутень III); 6 – Гигоешть–Трудешть (Прекукутень II); 7 – Вороновица (Прекукутень III); 8 – Александровка (Прекукутень III); 11 – Извоар I, 1 (Прекукутень II). 3–5, 7, 10 – по В.Г. Збеновичу; 6 – по С. Маринеску-Былку; 8 – по Н.Б. Бурдо; 11 – по Р. Вульпе

Однако можно иначе подойти к морфологии данных голов и сопоставлять их не с экстерьером, а с анатомией змей¹⁴. Черепы змей (как и всех прочих рептилий) имеют специфическую подковообразную форму. При разной ширине голов четко выделяются отходящие назад сочленения челюстей. У змей подвижные сочленения клювовидных, чешуйчатых и квадратных костей с нижней челюстью особенно сильно выдаются назад, позволяя заглатывать добычу толще своего тела. Пропорции голов у разных видов змей различны, варьируют они и в пределах видов, поэтому какие-либо конкретные сопоставления не уместны. В целом контур голов на прекукутенской керамике сходен со змеиным черепом (рис. 2, 1, 2). Особенно близки ему головы перегородчатого строения (рис. 2, 3, 4, 9). Их неправильные овальные «глаза» больше похожи на глазницы, отверстия в передней части морды – на сочленения носовых,

¹⁴ Пользуясь случаем, хочу поблагодарить М.А. Чегодаева, обратившего мое внимание на этот аспект проблемы.

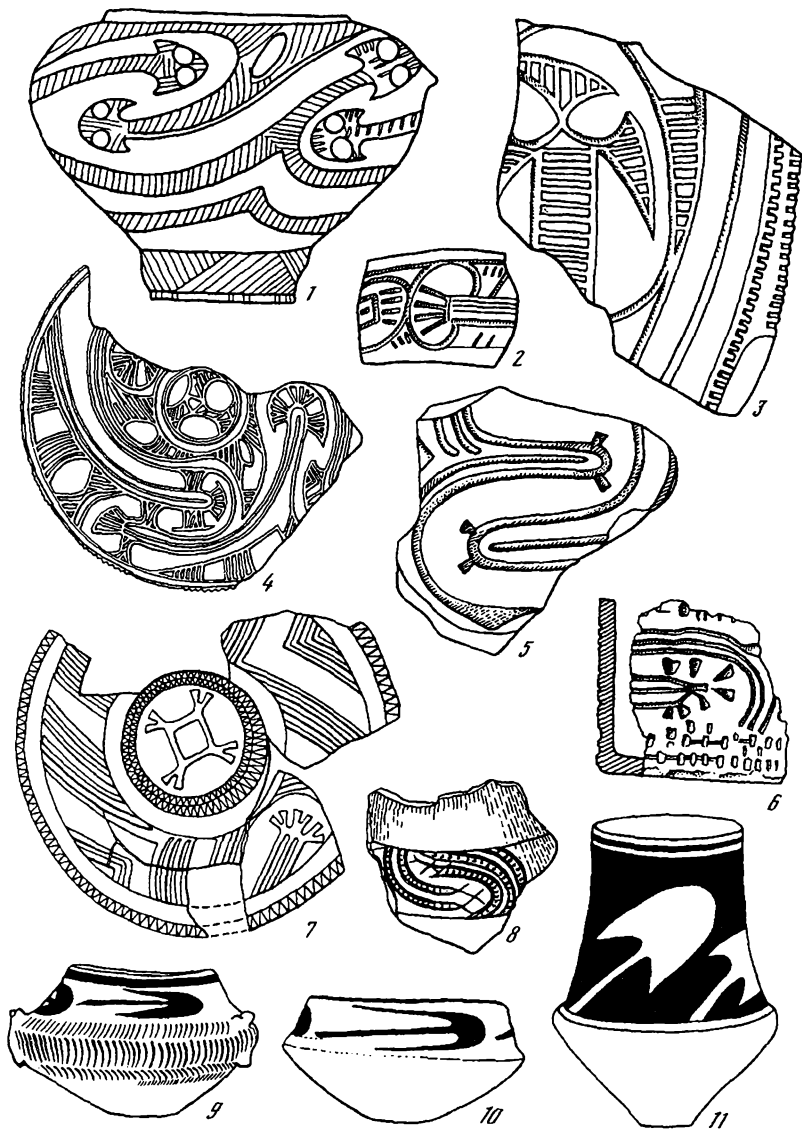

Рис. 3. Полная (1, 4, 9–11) и парциальная (2–8) формы третьей морфологической схемы изображения змеиных голов:

1 – Тимково (Прекукутень III); 2, 3, 5 – Флорешты (Прекукутень II); 4 – Гигоешть–Трудешть (Прекукутень II); 6 – Извоар I, 2 (Прекукутень III); 7, 8 – Траян–Дялул Вией (Прекукутень I); 9, 10 – Смядово (Коджадермен–Караново VI–Гумельница); 11 – Караново (Караново VI).

1 – по Н.Б. Бурдо, М.Ю. Видейко; 2 – по Т.С. Пассек; 4, 7, 8 – по С. Маринеску-Былку; 6 – по Р. Вульпе; 9, 10 – по Д. Лихардусу; 11 – по Х. Тодоровой

верхнечелюстных и межчелюстных костей (образующих носовые отверстия). «Прорези» за глазами соответствуют просветам между верхнечелюстными костями и нижней челюстью. Осевые продольные линии с отверстиями похожи на действительно узкие лобно-теменную и затылочную кости. Все прочие разновидности моделировки выглядят более упрощенным повторением этой схемы. На головах с тремя симметрично расположенными кругами видны глазницы и обобщенное носовое отверстие (рис. 2, 8), на головах с двумя кругами – только глазницы (рис. 2, 7, 10; 3, 1). Продольная и поперечная штриховка как бы упрощенно повторяет перегородчатое

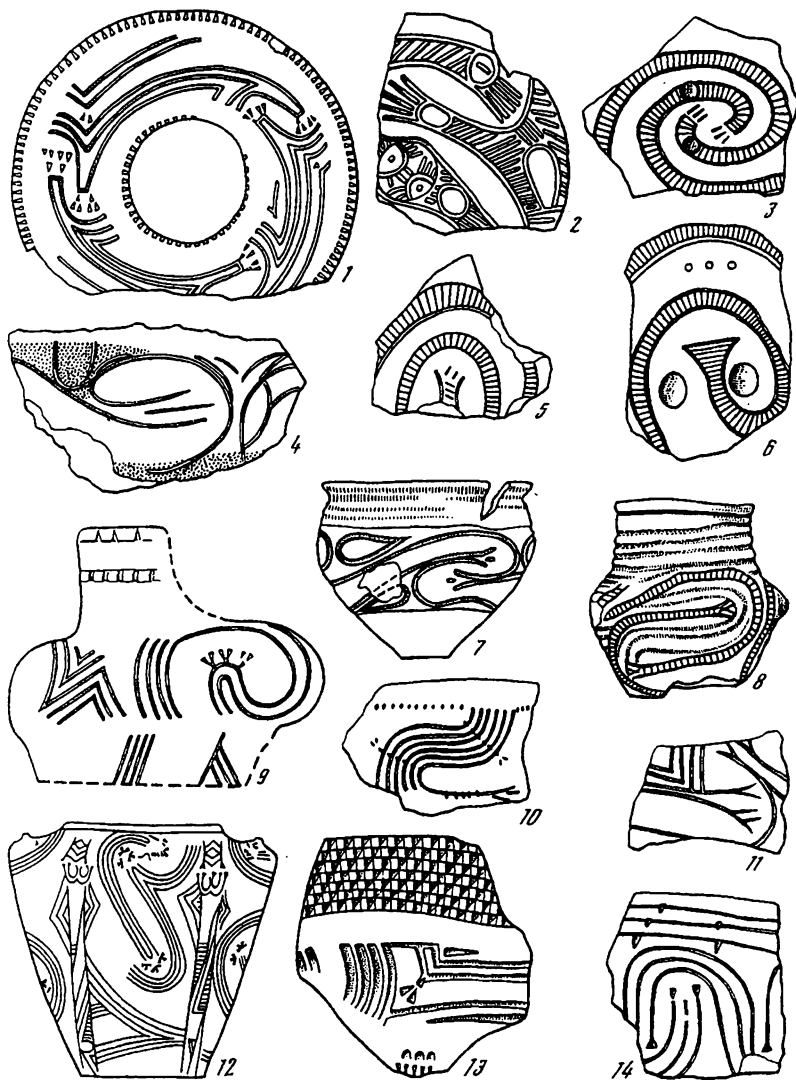

Рис. 4. Парциальные (1–9, 12, 14) и скорописные (10–13) формы третьей морфологической схемы голов: 1, 8, 10, 11, 13 – Траян-Дялул Вией (Прекукутень I); 2 – Окопы (Прекукутень II); 3, 5, 6 – Лука-Врублевцевка (Прекукутень III); 4 – Извоар II, 1 (Кукутень А1); 7 – Извоар I, 2 (Прекукутень III); 9 – Эрестегин (Прекукутень I); 12 – Тимково (Прекукутень III); 14 – Вельки Гроб (КЛЛК). 1, 8, 9, 10, 11, 13 – по С. Маринеску-Былку; 2 – по В.Г. Збеновичу; 3, 5, 6 – по С.Н. Бибикову; 4, 7 – по Р. Вульпе; 12 – по Н.Б. Бурдо; 14 – по В. Хроповскому

строение черепа; осевая линия соответствует лбно-теменной и затылочной костям (рис. 2, 5). Не противоречат фольклорной традиции и отмеченные точками или инкрустацией, иногда даже красной¹⁵, «смотрящие глаза мертвой головы». Еще более стилизованными выглядят подковообразные головы, заполненные рядами насечек с объединенными в одну линию челюстными выступами у противоположащих змей (рис. 2, 11).

Судя по публикациям, на ряде памятников Болгарии среди материалов, относящихся к Коджадермен–Гумельнице–Каранову VI, есть сосуды с дериватами спира-

¹⁵ Збенович В.Г. Ранний этап Трипольской культуры на территории Украины. Киев, 1989. С. 169.

левидных змей, головы которых также черепообразны с длинными челюстными выступами, но без внутренней детализации (рис. 3, 9–11). Они, несомненно, примыкают к этой же морфологической схеме.

В связи с вышеописанными, по-видимому, следует рассматривать еще одну обширную группу змеиных знаков на посуде (Бояна, КЛЛК, Прекукутени–Кукутени А, Алдени–Стойкани). По форме они тоже соответствуют первому и второму вариантам и представлены наиболее ярко опять-таки в Прекукутени. У этих змей головы симметричны, бывают в виде нескольких точек или коротеньких черточек, иногда разветвленных и пересекающихся, почти всегда подковообразно обведенных собственным телом или туловищем противоположащей змеи. Можно выделить несколько разновидностей их моделировки: (а) вместо голов изображено от двух до семи коротких веерообразно расходящихся черточек, или это комбинация черточек и точек между ними (рис. 3, 5–7; 4, 2–5, 7); (б) черточки-«рожки» могут быть несколько раз последовательно раздвоены у основания или на концах (рис. 4, 1, 12), а внутренние ответвления раздвоенных «рожек» пересечены на оси (рис. 3, 8; 4, 8); (в) вместо черточек и «рожек» присутствуют три заштрихованные трапециевидные или подтреугольные фигуры (рис. 3, 3). Представляется, что все эти разновидности моделировки змеиных голов можно соотносить именно с третьей морфологической схемой и воспринимать как ее дальнейшую стилизацию, доведенную до парциальности. Действительно, упрощения есть и в изображении контура голов, и в их детализовке. «Полные» черепообразные головы обычно обведены собственным туловищем или телом противоположащей змеи с промежутками, т.е. контур вписан в подобный же контур большего размера. У парциальных – контуры голов образованы изгибами противоположащих змеиных туловищ, а их детализовку дают заштрихованные треугольники, трапеции, раздвоенные и пересекающиеся черточки, «рожки», точки, все более упрощенно передающие строение черепа. Известны и просто «скорострельные» знаки, у которых место змеиной головы отмечено точкой на волнистой линии, либо черточками-«рожками» на углу меандра (рис. 4, 10, 11, 13).

Правомерность истолкования всей этой группы как парциальной по отношению к третьей (черепообразной) схеме подтверждают случаи сочетания полной и парциальной, а также парциальной и скорописной схем на одном сосуде (рис. 3, 4)¹⁶. Кроме того, некоторые головы можно определить как переходные между полными и парциальными, парциальными и скорописными (рис. 2, 11; 3, 2, 3)¹⁷. К парциальным, видимо, следует относить и изображения спиралевидных змей, головы которых оказываются на проколотых ручках, напоминающих «глаза-глазницы», обведенные изогнутым туловищем (рис. 4, 6).

Моделировка голов у змеиных знаков, согласно парциальной и скорописной формам черепообразной схемы, встречается в декоре некоторых других культур Европы – более ранних, чем Прекукутень, КЛЛК (рис. 1, 13; 4, 14) и Бояна (фазы Джулешть)¹⁸ близкого ей по времени раннего варианта Гумельницы Алдени–Стойкани. А в самой Гумельнице, как мы знаем, известны змеи-знаки, соответствующие полной форме этой схемы (рис. 3, 9–11).

Для интерпретации змеиных знаков принципиально важным оказывается вопрос хронологическом соотношении разных по полноте форм черепообразной схемы. Прежде всего попытаемся выяснить, как они соотносятся в Прекукутени–Кукутени А поскольку именно эта культура демонстрирует наибольшую вариативность морфологии голов у таких знаков. Как известно, на ранних памятниках, в Прекукутени фиксируются скорописные и парциальные разновидности голов. Позднее, в Преку

¹⁶ *Marinescu-Bîlcu S. Cultura Precucuteni. București, 1974. Fig. 30, 1.*

¹⁷ *Marinescu-Bîlcu. Cultura Precucuteni. Fig. 31, 3; 50, 16; 58, 9; Маркевич В.И. Памятники неолита и энеолита (Археологическая карта Молдавской ССР). Вып. 2. Кишинев, 1973. Рис. 29, 2).*

¹⁸ *Gimbutas M. The Civilization of the Goddess. San Francisco, 1991. Fig. 2, 30; Comsa E. Istoria comunitatilor culturii Bojan. București, 1974. Fig. 32, 11, 12; Pl. 16, 9, 19.*

кутени II – Кукутени A2 есть полные, парциальные и скорописные головы. Следует отметить, что в начале Кукутени A появляются изображения змей с каплевидными головами (первая схема), но следы «черепообразности» и в ней прослеживаются еще долго, поскольку каплевидные головы детализируются в виде трех точек, насечек и черточек (рис. 1, 17)¹⁹, либо бывают заштрихованы (рис. 1, 15).

В.Г. Збенович полагает, что следует говорить об изменении иконографии трипольского «змея-дракона» от рисунка-схемы к изображениям с некоторыми реальными чертами, а далее – «о возврате к более абстрактной символике, переходящей в канон»²⁰. Однако некоторые обстоятельства делают данную модель уязвимой. Прежде всего в ней вызывает сомнение возможность диахронического изменения формы знака от редуцированных вариантов к полному. Палеографические сопоставления показывают, что в развитии письма скоропись и стилизация обычно вторичны по отношению к полной форме знаков, а не наоборот. Думается и в данном случае они вряд ли могли стать основой полной морфологической схемы. Кроме того, стоит вспомнить и о чисто информативной стороне дела. Даже в пик своего распространения в Прекукутени II–III (когда известны десятки исследованных поселений) полная черепообразная схема в декоре была сравнительно редка – найдено не более 20 большей частью фрагментированных сосудов. Поэтому, наверно, весьма мала вероятность ее встретить среди скудных материалов периода Прекукутени I, происходящих с единичных памятников. По публикациям же, далеко не полностью отражающим истинную картину, устанавливается существование на многих поселениях разных форм третьей схемы. Видимо, логичнее допустить знакомство носителей культуры с ее полной формой не только в Прекукутени II, но и еще в Прекукутени I.

Если морфологию голов прекукутенских и кукутенских змеиных знаков соотносить с общей европейской раннеземледельческой традицией, получается, что в период формирования (Прекукутени I) и раннего развития культуры (до Кукутени A2) они специфичны, соответствуют особой морфологической схеме, позднее постепенно выходящей из употребления. На смену ей появляются изображения змей с каплевидными головами, такие же, как и в других культурах. При этом стоит отметить, что на кукутенской посуде отчетливые змеи-знаки изображались значительно чаще, чем где-либо.

Неизбежно возникает вопрос о причинах подобного явления. Пожалуй, их следует связывать с двумя особенностями Прекукутени-Кукутени. Эта культура всегда занимала окраину раннеземледельческого мира и с самого начала принадлежала мигрантам. Одним из основных факторов ее сложения считают продвижение носителей культуры Боян фазы Джулешть с юга в Западную Молдову и Юго-Восточную Трансильванию. На ступени Прекукутень II культура распространилась до Поднестровья, а позднее (Прекукутень III) достигла Буго-Днепровского района. Как справедливо пишет В.Г. Збенович, на культуру и быт мигрантов неминуемо должны были наложиться отпечаток и уход с коренной этнической территории, и относительная изоляция, и новая среда обитания, и образ жизни, связанный с высокой мобильностью²¹. Может быть, в ситуации, когда реально начинала ослабевать связь с культурным кругом, миром, к которому данная культура изначально принадлежала, ее стремление сохранить в себе мировоззренческие устои (самоидентифицироваться) могло привести к расширенному комментарию канонического текста, свободно читаемого внутри древнеземледельческой ойкумены в значительно более скупом изложении.

Сходный процесс обнаруживается в развитии змеиных знаков еще одной исходно мигрантской культуры – Гумельницы. В ее раннем варианте встречается парциальная форма черепообразной схемы, а в развитой Гумельнице известна именно полная форма, хотя и своеобразного облика.

¹⁹ Цвек. Релігійні уявлення... Рис. 4, 3, 4.

²⁰ Збенович. Дракон... С. 25.

²¹ Збенович. Ранний этап... С. 182.

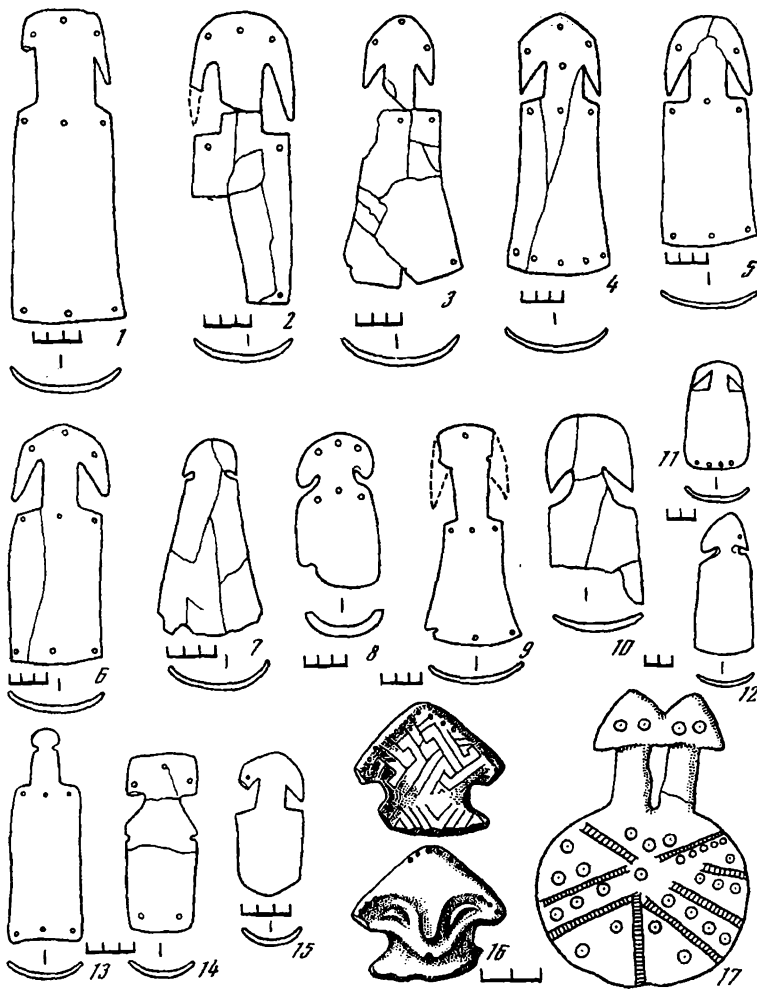

Рис. 5. Формы голов на предметах древнеземледельческой пластики, близкие третьей морфологической схеме (1-7, 9-15 – кость; 8 – мрамор; 16 – глина; 17 – алебастр):

1 – Олтеница–Рение (Гумельница); 2 – Гумельница (Гумельница); 3, 10 – Пьетреле (Гумельница); 4-8 – Некрополь Варна (Коджадермен–Караново VI–Гумельница); 9 – Загорский (Коджадермен–Караново VI–Гумельница); 11, 12 – Русенска могила (Коджадермен–Караново VI–Гумельница); 13, 15 – Голямо Делчево (Коджадермен–Караново VI–Гумельница); 14 – Караново (Караново VI); 16 – Раст (Винча); 17 – Кюльтепе (ЕВ III, Анатолия).

1 – по С. Моринтс, В. Ионеску; 2 – по Д. Берчу; 3, 10, 16 – по В. Думитреску; 4, 7 – по И. Иванову, В. Николову; 5, 6, 8 – по И. Иванову; 9 – по А. Радунчевой; 11 – по О. Хекманну; 12 – по Х. Тодоровой, М. Чохаджиеву, И. Вайсову; 13, 15 – по Х. Тодоровой; 14 – по В. Николову; 17 – по Дж. Йакару

Ю.М. Лотман писал о характере и парадоксальной особенности ориентированного на канон «ритуализированного искусства» образующего системы, внешне похожие на естественные языки с устойчивым канонизированным типом кодировки, но не автоматизирующие свой язык и не обладающие свободой содержания. В них текст играет лишь мнемоническую функцию. Он должен напоминать о том, что вспоминающий уже знает²². Сохранение традиции у мигрантов – одна из наиболее вероятных ситуаций, когда могло потребоваться воспроизведение знаков в полной форме. Кстати, иногда и

²² Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973. С. 18.

в других раннеземледельческих регионах, за пределами основного культурного ареала тоже отмечают появление наиболее полных знаковых текстов, вполне соотносимых со стилизованными внутри него²³. Скорописная и парциальная формы (третьей) черепообразной схемы были распространены значительно шире (Боян, КЛЛК, Прекукутень–Кукутень А, Гумельница), чем ее полная форма, обнаруженная только в двух последних культурах. В рамках гипотезы о единстве канонического текста и его мнемонической функции наблюдаемая картина должна отражать не процесс сложения образа, а степень его расшифровки – полноту комментария, достаточную для носителей конкретных культур. Прекукутенскую морфологическую схему изображения змеиных голов, существовавшую в нескольких формах – от полной до скорописной, и пересекавшуюся со схемами некоторых других культур, а потом сменную общепринятой «закрытой» (первой) схемой изображения, видимо, следует рассматривать как ключ, дающий редчайшую возможность прочтения змеиных знаков для всей раннеземледельческой ойкумены Европы.

Примечательно, что специфические подковообразные головы, похожие на моделировку голов змеиных знаков, согласно черепообразной схеме, изображались на предметах пластики. Они отличаются некоторые женские статуэтки, в частности винчанскую фигурку из слоя II-а в Расте с моделированным лицом и совершенно плоским затылком (рис. 5, 16), статуэтку из гумельницкого горизонта телля Сава (культура Варна)²⁴. Описанная форма голов присуща еще обширной группе костяных предметов, принадлежащих общности Коджадермен–Караново VI–Гумельница, которые обычно называют «идолами», «полыми идолами» и описывают как антропоморфные (рис. 5, 1–15). Их известно не менее 30. У таких фигурок подковообразные головы с параллельными или несколько расходящимися, заостренными внизу выступами, совершенно сходны с головами на гумельницких сосудах (как исключения можно рассматривать круглые головы при прочей общей морфологии (рис. 5, 13). Шея чаще всего длинная, а плечи прямые, но возможно сочетание короткой шеи и покатых плеч. Иногда выступы, шея и прямые плечи обозначены графически (рис. 5, 11). Туловище бывает прямоугольное и трапециевидное с прямым или закругленным краем. Все «идолы» в поперечном сечении имеют значительный прогиб, не всегда обусловленный формой кости, а часто сделанный специально²⁵. На головах симметрично располагается от трех до шести отверстий. На туловищах обычных три отверстия вдоль верхнего края и от двух до пяти вдоль нижнего. «Идолы» вовсе без отверстий единичны. Известны экземпляры с недосверленными отверстиями на голове (рис. 5, 12, 15). Долгое время «идолы» не имели четкого контекста, кроме общей информации об их происхождении из слоев теллей. Ситуация изменилась уже в первые годы раскопок знаменитого Варненского некрополя. Там «идолы» были обнаружены в пяти символических и одном разрушенном погребениях. Они всегда лежали вогнутой стороной вверх. В погребениях № 4 и 36, судя по расположению остального инвентаря, находились как бы «в головах», а в погребении № 3 с маской-личинной – «в ногах»²⁶. Эта последняя фигурка – мраморная имитация костяного предмета (рис. 5, 8). Обособленность «идолов» от гумельницкой костяной пластики, их серийность, отсутствие какой-либо антропоморфной детализации, своеобразная моделировка голов, предусмотренный поперечный прогиб туловищ и расположение отверстий могут указывать на определенную функциональную специфику. В погребениях на них находили круглые выпуклые золотые бляшки с дырочками для нашивания. Не исключено, что последние не просто

²³ Андреева М.В. К вопросу о знаковой роли посуды из раннебронзовых памятников Кавказа // ВДИ. 1996. № 1. С. 91–94.

²⁴ Todorova H., Tschochodshiew M., Vaisov I. Jungsteinzeit in Bulgarien. Katalog. Braunschweig, 1982. P. 195, № 219a.

²⁵ Иванов И.С. Съкровищата на Варненския халколитен некропол. София, 1978. С. 38.

²⁶ Ivanov I. Die Ausgrabungen des Graberfeldes von Varna // Macht, Herrschaft und Gold. Saarbrücken, 1988. Fig. 24, 27; Marazov I. Tod und Mythos. Überlegungen zu Varna // Ibid. Fig. 35.

крепилась к верхней вогнутой стороне «идолов», а пришивались на покрывавшую их ткань или кожу. Сами «идолы» могли служить внутренней основой – остовом не сохранившихся (возможно змеевидных) конструкций. Не только контуры голов, но и расположение отверстий сближают их с трипольскими змеями-знаками, выполненными согласно полной черепообразной схеме. Особая же семантическая значимость предметов проявляется благодаря связи с контекстом именно символических могил, столь явно выделенных в Варненском некрополе.

Теперь обратимся к сочетаниям (группировке и организации) змеиных знаков, обычно транслируемых в композициях на сосудах неоднократно. К сожалению, в рамках настоящей статьи этот экскурс пришлось ограничить лишь несколькими наблюдениями, наиболее существенными для обсуждаемой темы. Расположение как спиралеобразных знаков вообще, так и отчетливых знаков-змей, во многом обусловлено культурно-хронологическим контекстом и формой предметов. На сосудах знаки могут быть изолированными, помещенными в метопы, расположенными зонально-горизонтально, зонально-вертикально, радиально, или же однородными знаками покрыт весь сосуд.

При последнем способе организации декора особенно часты S-видные знаки. Трансляция, поворот, цветовая симметрия позволяют их периодически группировать: изогнутые змеи то отчетливо видны в позитиве, то появляются в негативе. Чуть меньше мягкости в линии, и уже возникают фигуры, близкие меандру. Выстроенные рядами со сдвигом, они составляют в контрцвете свастикообразные фигуры. Таким образом, цветовая симметрия образует новые знаки, придающие декору совершенно новый смысловой акцент. Поразительно близкую организацию змеевидных знаков можно увидеть в определенном ракурсе в зонально-горизонтальных композициях на сосудах закрытых форм и в радиальных – на открытых формах (особенно крышках). При взгляде сверху в тех и других случаях хорошо читается радиально-поворотная симметрия (рис. 1, 9–13; 3, 4, 7; 4, 1). Обычно орнаментальный цикл включает от двух до четырех и шести поворотов знака (или сопряженных знаков), т.е. возможны поворотные оси 2-го, 3-го, 4-го, 6-го порядка, создающие винтовые, а особенно часто – именно свастикообразные фигуры²⁷, что напоминает о глубокой внутренней связи знака и композиции, о емкости самого знака. Кроме того, отмеченные поворотные оси декора на круглых сосудах разных неолитических и энеолитических культур вполне согласуются с широко распространенными у ранних земледельцев Европы двухчастными, трехчастными и четырехчастными сосудами особых форм²⁸.

Особенности построения знаков, способы их сочетания в декоре, характер композиций из них заставляют обратиться к проблемам, касающимся самого понятия симметрии. Специалистами оно истолковывается не только как метод или способ композиционного мышления, а как один из наиболее общих унифицирующих принципов и даже своего рода универсальный код²⁹. Для дальнейшего осмысления и интерпретаций спиралевидных орнаментов наиболее существенно, что среди множества форм симметрии ранними земледельцами Европы наиболее часто избиралась именно поворотная, заключающая в себе движение, оппозиционность, обращенность, цикличность и, естественно, представления о пространстве. Все это очень созвучно высказываниям многих авторов об ином, отличном от современного восприятии пространства в архаических обществах, и о цикличности мифологического времени. Думается, обязательное присутствие поворотной симметрии в декоре разнообразных артефактов

²⁷ Бурдо Н.Б., Видейко М.Ю. Типы раннетрипольской керамики и ее орнаментация в междуречье Днестра и Южного Буга // Северное Причерноморье. Киев, 1984. С. 102 сл.

²⁸ Обращает на себя внимание то, что и поворотные оси в декоре и членение сосудов особых форм в равной мере сводимы к бинарным и тетрарным маркировкам или их сочетаниям, столь характерным для культуры архаических обществ: *Левин-Страсс К.* Структурная антропология. М., 1983. Гл. VIII. С. 119–146, 348 сл. Прим. 92–98.

²⁹ Узоры симметрии / Под ред. М. Сенешаль, Д. Флека. М., 1980. С. 13; *Смолина Н.И.* Традиции симметрии в архитектуре. М., 1990. С. 15.

действительно указывает на то, что и ее саму следует понимать как очень содержательный символ. Поскольку подобное к ней отношение фиксируется и для более ранних эпох, допустимо предположение об архетипичности и универсальности ее смысла. Можно напомнить об известных и весьма выразительных примерах использования поворотной симметрии еще в верхнем палеолите. Для этого времени зафиксированы такие построения с осью 2-го порядка, как взаиморасположение детских погребений в Сунгире; вложенные друг в друга (спина к спине) головами в разные стороны женские статуэтки из Авдеева, и происходящая с этого же памятника костяная лопаточка с рельефным изображением двух кошачьих хищников, соотнесенных в обратной позиции³⁰. Ось 3-го порядка имеет знаменитый рельеф из Лоссель с двумя антиподально развернутыми женскими фигурами. Поворот вокруг заданной оси использовался для (последовательного) прочтения изображений на полиэйконических фигурках³¹.

В какой-то мере позволяет приблизиться к восприятию смысла поворотной симметрии в древности китайский натурфилософский символ *инь* и *ян*, имеющий вербальную традицию (и конструктивно сходный с S-видными змеиными знаками европейских земледельцев). В древнем Китае, насколько известно, весь процесс мироздания рассматривался как результат взаимодействия Инь и Ян. Столь же глубокой и всеобъемлющей могла быть и символика змеиного декора. Ведь отмечают случаи его нанесения и поверх другой орнаментальной схемы³².

Итак, при рассмотрении спиралевидных орнаментов всех древнеземледельческих культур Европы как семантически инвариантных, удается выявить несколько способов начертания змеиных знаков (спиралеобразные, S-видные, ползущие), а также ряд взаимосвязанных морфологических схем изображения их голов, имеющих полные и редуцированные формы (парциальные, скорописные). Оказалось, что самые подробные и информативные для современного исследователя знаки, в виде змей с черепообразными головами, воспроизводились носителями ранних стадий культуры Кукутень–Триполье, занимавшей окраину раннеземледельческого мира и быстро распространявшейся на восток. Подобное явление, по-видимому, не случайно и, благодаря наблюдениям сходного характера для других регионов, влечет за собой вывод о том, что мигрантские культуры и культурные группы – носители определенных мировоззренческих традиций, стремившиеся к самосохранению, могли воспроизводить наиболее полные (ключевые) варианты канонических текстов. И в этом следует усматривать не только закономерность, но и императив, поскольку сохранение культурного текста и есть сохранение культуры как таковой.

Если предлагаемая гипотеза верна и носители Кукутени–Триполья действительно воспроизводили тот самый текст, по отношению к которому тексты (орнаменты) прочих ранних земледельцев оказываются более или менее подробными комментариями, получается, что этот текст повествовал об очень специфичном персонаже (или персонажах). Речь в нем могла идти о змее с «мертвой головой», либо о симметричной паре таких змей, поскольку бинарными и оппозиционными бывают все варианты змеиных знаков. Их бинарность нередка и в более позднее время на юге Европы, в Анатолии, Восточном Средиземноморье. Довольно выразительные тому примеры – статуэтка из цистового погребения в Кюль-тепе (Анатолия, EB III) (рис. 5, 17) и

³⁰ Бадер О.Н., Никитина Б.А., Харитонов В.М. Посткраниальный скелет детей позднепалеолитического человека из погребения на Сунгирьской стоянке // ВА. 1979. № 60. С. 25; Гвоздовер М.Д. Археологический контекст женских статуэток костенковской культуры // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе, 1987. С. 23; он же. Обработанная кость из нового жилого комплекса Авдеевской палеолитической стоянки (раскопки 1982–1988 гг.) // Антропология и культура. М., 1993. Рис. VI, VII.

³¹ Фрадкин Э.Е. Памятники палеолитического искусства Костенок I: Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1975.

³² Vencl S. Studie o sareckem typu // Sborník narodního muzea v Praze. V. XIV, 1961. № 3. Tabl. II–V. Подобные наблюдения напоминают и о высокой вероятности ошибки при обычном «линейно-сюжетном» прочтении древнеземледельческого декора.

позднеминойский кувшин из погребения в Иалисосе (Родос), на котором помещены две вылепленные из глины ползущие змеи, головы которых находятся над сливом³³. Но в решении вопроса о смысловой нагрузке данного образа или образов необходимо учитывать еще и то, что двоичность орнаментальных и существующих отдельно змеиных знаков в общем символическом контексте древнеземледельческих культур Европы (и значительно более широкого ареала) могла просто указывать на дихотомию определенного целостного представления (как *инь* и *ян*), соотносимую с хорошо известной отчетливой конструктивной дихотомией большинства артефактов из глины – «сакральными» и кажущихся «профанными»³⁴.

Наверно стоит подчеркнуть, что в изобразительной традиции европейских земледельцев змея – единственный зооморфный образ, у которого оказалась акцентирована черепообразность головы. Такая морфологическая особенность, приданная образу рептилии, отчетливо дистанцирует ее от множества других представителей фауны, включенных в мировоззренческий контекст. Подчиненность же всех уровней построения змеиного декора символизму поворотной симметрии, видимо, свидетельствует о космогонической значимости змеи, «змеи с мертвой головой». Определенную информацию о семантике этого образа могла нести сама форма змеиных знаков. Как мы помним, наиболее абстрактен в орнаментах S-видный знак, а два остальных (спираль и «ползущая» змея) соотносимы с естественной позой рептилий. Далее было установлено, что спираль и S-видные знаки взаимосвязаны по форме, композиционно и именно этим вариантам знаков оказались в некоторых культурах свойственны черепообразные головы. Поэтому не лишено оснований предположение о близости или даже равнозначности их смысла. В архаических традициях семантика зооморфных образов формировалась достаточно сложно, но обычно вбирала в себя и какие-то характерные поведенческие особенности животных-прототипов. Понятно, что для современного исследователя, благодаря существованию в совершенно иной культуре, поле возможных ассоциаций заметно сужено. Привлечение данных этологии оказывается одним из немногих доступных путей поиска смысла (одного из смыслов) таких символов. Одну характерную змеиную позу А. Брэм определил как агрессивную. Готовясь к нападению, змея свертывается в спираль и втягивает голову в ее середину. Именно такова поза змей-спиралей в декоре, что тоже может указывать на «устрашающий» характер нашего космогонического персонажа – спиралевидной (S-видной) змеи «с мертвой головой». Если это справедливо, результат наших реконструкций в определенной мере совпадает с версиями В.Н. Даниленко и В.Г. Збеновича, писавших именно об «устрашающем» змеевидном образе.

Ползущие змеи не включались в композиции, подчиненные поворотной симметрии. Примечательно, что наклепные ползущие змеи (с каплевидной головой) пока фиксируются только на специфической погребальной посуде. А их хронология оказывается значительно шире времени бытования древнеземледельческих культур: Из погребения происходит известная позднеэолитическая миска из Дворы над Житавой (Желиз) с наклепной ползущей змеей внутри³⁵, а также упоминавшийся кувшин со змеями из Иалисоса. Эти материалы, столь явно акцентирующие использование естественного хтонизма змеи в связи с погребальной символикой, вновь приближают нас к возможности прочтения более поздних невербальных текстов сквозь призму древнеземледельческих.

Связь змеи с подземным миром, равно как и связь с миром женщины, зафиксиро-

³³ Das Mykenische Hellas Heimat der Helden Homers. В., 1988. Teil III. Katalog № 121.

³⁴ Обычно эта дихотомия скрыта. Она проявляется при случайных сломах предметов под ангобом, обнаруживается при петрографических исследованиях состава формовочной массы. Антропоморфные и зооморфные статуэтки, сосуды особых форм могли лепиться из продольных половин. Иногда при конструктивной двухчастности предмета он оказывается слеплен из двуцветной глины (глина либо промешана, либо каждая часть имеет особый цвет). В свою очередь сочетание двух глин, характерное для теста пластики и бытовой посуды, будучи равноценным двухчастности, может ее как бы заменять.

³⁵ Pavuk J. Umenie a zivot doby kamennej. Bratislava, 1981. Fig. 43.

вана в большинстве архаических традиций и, по-видимому, относится к универсалиям³⁶. Применительно к древнеземледельческим материалам Европы характер этих отношений воспринимается исследователями по-разному и находится в зависимости от круга привлекаемых ими вербальных источников. Поэтому попытаемся опираться только на изобразительные памятники и еще раз обратим внимание на предметы пластики с головами, близкими по форме к змеиному черепу, и похожим на него головам трипольских и гумельницких змеиных знаков. Такие фигурки, как своего рода биллингвы, особенно важны при оценке семантики всех образов ранних земледельцев Европы, соотносимых или связанных со змеей. Странные костяные «идолы», благодаря принадлежности именно к символическим могилам Варненского некрополя, оказались вещами (остовами вещей), которые сопутствовали квазипогребениям в ямах, не содержащим захоронений людей, но выделенным очень богатым сопровождающим набором. Особенно интересно, что в двух из них были зафиксированы земляные личины, в деталях оформления сходные с головами одной из групп гумельницкой антропоморфной пластики. Змеиная же «черепообразность» голов некоторых неолитических и энеолитических женских статуэток обнаруживает не только связь одного из женских образов, воплощенных в глине, с «ужасной мертвой змеей», но, как кажется, допускает и их отождествление. Следовательно, в какой-то степени наши результаты согласуются и с гипотезой М. Гимбутас, постулировавшей связь змеи с женским космогоническим образом – «богини-змеи».

Вербально незафиксированная космогония древних земледельцев Европы, любые версии которой всегда реконструктивны, по-видимому, лишь фрагментарно может быть увязана с более поздними традициями. Образы «мертвых змей» в мифологиях крайне редки. Они обнаруживаются лишь в некоторых австралийских мифах и в виде мужского, а не женского персонажа. Но в разных европейских традициях сохранились хтонические устрашающие змеобразные богини. Особенно выразительны Медуза и Геката, относимые к древнейшим пластам греческой мифологии. Но и они заметно отличаются от того персонажа космологии древних земледельцев, который вырисовывается в процессе реконструкции. Чудовищу со змеиным черепом вместо головы не соответствует прямо ни одна из них. Хотя какие-то сближения и возможны («мертвая голова» безымянной змеи-богини и смертоносный взгляд Медузы, превращающий все живое в камень).

В.И. Балабина

ON THE READING OF SNAKE REPRESENTATIONS OF THE SPIRAL ORNAMENTS OF THE ANCIENT FARMING CULTURES OF EUROPE

V.I. Balabina

Assuming the semantic invariance of the farming cultures of Europe, one can reduce the snake-like signs forming them to three shapes (spiral, s-shaped, crawling) and the morphology of the heads of the latter to a few schemes – drop-shaped, subtriangular, skull-like (apparently, reproducing the skull of a snake). Similar skull-like heads of some female figurines and Gumelnitsky bone «hollow idols» point to the collection of snake-signs on utensils both with female symbolism and with specific funeral symbols. The first confirms the customary character of the snake decor on female anthropomorphic plastic objects. The second may be perceived as the natural classifying sign of the chthonic world registered by the majority of the archaic traditions as well as the connection with the female world. The subordination of all levels of the composition of the snake decor to the symbolism of rotary symmetry may testify to the

³⁶ Обширная информация по этому вопросу собрана у многих авторов, среди наиболее цитируемых можно отметить В.Я. Проппа и К. Найт: *Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки*. Гл. 7. Л., 1986; *Knight Ch. Menstruation and the Australian Rainbow-Snake // World Archaeological Congress, 1-7 September, 1986. Southampton-London, 1986. V. 2.*

highest cosmogonic significance of a snake (a pair of snakes – all signs can be binary and oppositional). The most informative signs were reproduced by bearers of early Kukuteni – which rapidly spread to the east. This observation leads to the conclusion that migrant cultures in the process of self-identification may reproduce the most complete variants of texts. The skull-like heads of snake-signs of Prekukuteni and Gumelnitsy enable one to assume that some text they correlate with recounts the story of snakes with a dead head of dead snakes. But such personages are extremely rare in the mythological tradition. It may testify to the fact that the lost cosmogony of the early farming cultures of Europe can hardly be recreated on the basis of some later texts.

© 1998 г.

ДАХИ И АРИИ У ТАЦИТА

В десятой главе одиннадцатой книги «Анналов» Тацит, описывая борьбу Бардана I и Готарза II за парфянский трон, сообщает, что в 44 г. н.э. Вардан, разбив войска своего противника на реке Эринд, после ряда удачных для него сражений покорил народы, обитавшие между названной рекой и рекой Синд, которая разделяла дахов и ариев. Уже первые исследователи, обратившие внимание на данное свидетельство Тацита, не могли определить местоположение реки Синд. Так, Г. Роулинсон ограничился указанием на то, что река Синд неизвестна географам, а описанные Тацитом события происходили между Каспийским морем и Гератом¹. В.И. Модестов заметил, что «трудно сказать, какие-такие Арии отделялись рекою Синдом от Дагов»².

А. Гутшмид высказал предположение, что под Синдом едва ли можно понимать какую-то другую реку кроме Теджена³. К такому же выводу вскоре пришел и В. Томашек, локализовавший дахов на территории Маргианы⁴. В. Шур отождествил реку Синд с Охом⁵, а У. Карштедт высказался по этому вопросу довольно неопределенно⁶. Р. Ханслик предположил, что события, о которых говорит Тацит, происходили в западных областях Бактрии⁷. Э. Херцфельд отождествил дахов с саками, ариев – с агуа, а реку Синд – с Атреком⁸. Таким образом, отнесение упомянутых Тацитом дахов и ариев к северным районам Парфянской державы стало настоящим *loco communi* для всех без исключения авторов, которые так или иначе затрагивали эту тему⁹.

Однако одно весьма существенное обстоятельство мешает принять данный вывод. Если описываемые события происходили в Арее или Маргиане, абсолютно непонятным становится приказ Вардана воздвигнуть памятники, «которыми он свиде-

¹ Rawlinson G. The Sixth Great Oriental Monarchy or the Geography, History and Antiquities of Parthia. L., 1873. P. 254.

² Сочинения Корнелия Тацита. Русский перевод с примечаниями и со статьей о Таците и его сочинениях В.И. Модестова. Т. 2. СПб., 1887. С. 304.

³ Gutschmid A. Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen, 1888. S. 126.

⁴ Tomaschek W. Daai // RE. 1901. Bd 4. Sp. 1945.

⁵ Schur W. Die Orientpolitik des Kaisers Nero // Klio. 1923. Beiheft 15. S. 75.

⁶ Kahrstedt U. Artabanos III und seine Erben. Bern, 1950. S. 31.

⁷ Hanslik R. Vardanes (2) // RE. 1955. 2. Reihe. Hlbd 15. Sp. 370.

⁸ Herzfeld E. The Persian Empire. Studies in Geography and Ethnography of the Ancient Near East. Wiesbaden, 1968. P. 321.

⁹ См. Массон В.М. Восточно-парфянский правитель Синабар // Тр. ГИМ. Вып. 26. Ч. 2. М., 1957. С. 40–41; Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С. 222; Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши Мира». М., 1972. С. 173; Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977. С. 86–87; Debevoise N.C. A Political History of Parthia. Chicago–London, 1969. P. 170 f.; Bivar A.D.H. Political History of Iran under the Arsacids // The Cambridge History of Iran. V. 3(1). Cambr., 1983. P. 76.